

ОБЛАКА

16.08.2011

В эфире программа «Облака»...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

Работа в исправительном учреждении, как пишут в своих исследованиях западные ученые, «уникальна по своей напряженности и ответственности». «Мало найдется таких организаций, - утверждают исследователи, - основной задачей которых является обеспечение безопасности общества путем надзора над нежелательной и склонной к насилию части населения». Работа с людьми, которые вынуждены подчиняться против своей воли, вызывает у сотрудников исправительных учреждений стресс, приводящий рано или поздно к известному феномену профессионального выгорания. Считается, что уровень выгорания у работников тюрем выше, чем у сотрудников полиции.

При той системе управления и организации труда, а также социальном обеспечении сотрудников, которые существуют в российской уголовно-исполнительной системе, психологическая нагрузка, приходящаяся на персонал наших учреждений, еще выше. Вопреки рекомендациям Совета Европы, наша пенитенциарная служба так и не стала гражданской. Более того, офицеров ФСИН посылают в командировки на Кавказ, в горячие точки. О том, каковы последствия этого опыта, говорилось на круглом столе, который провели в Москве Правозащитный центр «Мемориала» и московский благотворительный фонд «Социальное партнерство». У микрофона председатель правления фонда «Социальное партнерство» **Валерий Борщёв:**

Сотрудник ФСИН, сотрудники ОМОН, правоохранительных органов регулярно посылаются в командировки. Ну, ничего хорошего, честно говоря, я в этом не вижу. Я не считаю нужным кадрового сотрудника пенитенциарной системы посылать... Я знаю, некоторые из них ведут себя там очень героически. Как рассказывал один из руководителей ФСИН, он вообще ходил чуть ли не в рукопашную, в атаку. В моем сознании, не дело это. Со стороны правозащиты, мне слишком дороги кадры пенитенциарной системы и я считаю, что в общем-то мы должны их оберегать от всяких излишних обязанностей, от всяких излишних использований и как-то помогать им исполнять свои функции. Тем не менее это факт. Когда мы стали интересоваться, а чем чревато использование кадров пенитенциарной системы в контртеррористической операции, - да очень дорого это сказывается. Нам стали говорить: вот там развод, там попытка суицида, там человек запил, это вещи реальные...

Чтобы помочь тем сотрудникам правоохранительных органов, которые принимали участие в вооруженных конфликтах, фонд «Социальное партнерство» подобрал и помог обучить психологов для проведения специальных программ реабилитации. В проект были вовлечены многие регионы России. Рассказывает президент фонда **Любовь Волкова:**

Наш проект поддерживается Европейской комиссией, рассчитан на три года. Мы выиграли огромный конкурс и очень были рады тому, что Европейская комиссия поддержала финансово вот такое важное начинание. Для того, чтобы охватить как можно больше регионов России, мы создали сеть центров, региональных центров. Один центр у нас в очень дальнем регионе, это Красноярский край. Второй центр находится в Барнауле. Он тоже объединяет не только Барнаул, но и Алтайский край и близлежащие регионы. Так же как и

центр, который находится в Красноярске, объединяет Иркутск, Хакассию и некоторые другие прилегающие регионы. Есть еще центр в Перми. Москва и Краснодарский край. Там создан постоянно действующий реабилитационный центр, который мы создали для того, чтобы отрабатывать методики и куда приезжают к нам со всех южных республик и краев... Мы напрямую, в самих республиках Северного Кавказа не работаем, мы смотрим то, что происходит с людьми, когда они уехали с Северного Кавказа после командировки и что они творят у себя в регионах России. Это и называется «Эхо войны». То есть предотвратить насилие и агрессию людей, получивших опыт войны. Вот наша цель была.

* * *

После того как методика была отработана и одобрена Федеральной службой исполнения наказаний, 30 психологов прошли обучение на базе Вологодского института ФСИН, и началась сложная, профессиональная работа. Продолжает **Валерий Борщёв**:

Вначале мы хотели как бы курировать этот процесс, но психологи нас вежливо, но твердо выгнали после первого дня представления. И правильно сделали, потому что по рассказам самих же психологов, на третий день вот эти здоровые мужики начинают плакать. Это поразительно, мы сначала этому не верили. Мы думали, что это группа какая-то такая попалась..вот таких сентиментальных. Отнюдь. Это действительно вот такая накопившаяся отрицательная энергия, накопившийся вот этот груз, когда наступает такая вот разрядка и, действительно, люди, расслабляясь..там происходят вот такие вещи...Нам кажется это полезным. Нам кажется полезным и результат, потому мы говорили после проведения этого с сотрудниками пенитенциарной системы и правоохранительных органов и они говорили, что это действительно им помогло, мы получали письма.

Валерий Борщёв ярый сторонник того, чтобы не использовать сотрудников тюремной службы для выполнения не свойственных им функций. Ведь позже, уже в колониях, они могут столкнуться с отбывающими наказание выходцами с Кавказа, которые разбросаны практически по всей стране - Мордовия, Пермский край, Сибирь. Да и с другими заключенными сотрудниками, имеющие боевой опыт, уже не смогут нормально работать, если не пройдут курс реабилитации.

У микрофона руководитель психологической службы ГУВД Пермского края **Лариса Шилова**:

У нас в Пермском крае прошло 9 групп: 6 групп – спецподразделения и 3 группы ФСИНА. Мы отбирали каких людей? Они все герои. Они награждены орденами Мужества. Они прошли ситуации очень тяжелые, но что они отмечают нам в анкетах перед занятиями – хроническая усталость, невозможность сосредоточиться на решении сложных проблем, тревога, нервозность, раздражительность, депрессия и агрессия. Вот все показатели, которые надо снимать. С ними можно работать, с этими психологическими показателями, и можно их снимать. ...

Как мы начали сотрудничать с 2009 года, все ребята, которые прошли наши ребцентры, ни к кому не было никаких претензий по службе, никаких агрессий в отношении задержанных граждан нет, и самое главное, когда они возвращаются в Чечню, они действительно и с кавказским населением, и с чеченским, сейчас вот в Кабарде наши ребята стоят, в Ингушетии, нигде замечаний в адрес наших спецназовцев не поступало.

...Почему мы активно работаем в этом проекте - когда к нам приходят силовые структуры, ребята после Чечни, отслужившие срочную службу, и в других регионах Северного Кавказа, что мы отмечаем: я вижу у него отклонения внешние, допустим и набитые кисти, я говорю, что, как ты сейчас себя ведешь, что ты делаешь? Он говорит, что мне бывает так плохо, что я либо бью стенку, либо бью мать. То есть вот такая агрессия, это очень серьезные вещи после Чечни.

* * *

Программы реабилитации, должны учитывать особые нужды разных категорий сотрудников. Прежде всего, как считают психологи, реабилитация необходима руководящему составу специальных подразделений правоохранительных органов. Продолжает **Лариса Шилова**:

Первую категорию, которую мы взяли, это руководители. Потому что 96 сотрудников погибло. Мы, вообще, милиционеры и не должны воевать. Учитывая, что сейчас срок командировок ОМОН 6 месяцев продолжается – это очень большой срок командировки в Чечню и 3 месяца – спецназ. И ситуация, когда много погибших и раненных, она влияет, конечно, на психологическое состояние. Поэтому мы начали работать с категорией руководителей, это очень важно, они должны понимать все, уметь, принимать и работать с личным составом. Это очень важно. Я хочу сказать, там, где командир работает с личным составом, там не бывает чрезвычайных происшествий. Я имею в виду по отношению к гражданскому населению. И командиры, когда мы провели занятия, отметили в анкетах – командиры полковники, заслуженные ребята, все с орденами Мужества, отметили изменения такие, что «появилось желание работать на сто процентов», жить на сто процентов, появилась легкость, уверенность в себе, удовлетворение от общения в группе, большой заряд энергии, готовность к действию.

Получив такую высокую оценку от сотрудников руководящего состава, психологи взяли другую, еще более сложную группу - снайперов.

Снайперов мы отобрали, кто участвовал в очень серьезных событиях, кто много убивал - но это работа снайпера – да, они говорили, многие, да, мы убиваем, но мы убиваем боевиков. Но, тем не менее, зрительный анализатор все пишет и психологические, очень серьезные изменения в личности происходят. В частности, в социальном плане, это самые толстокожие люди. Его не пробить. Толстокожий человек. Довольно-таки суровые, жесткие они. В семье им сложно. Некоторые выступают как параноические тираны дома. Поэтому, чтобы не страдали семьи, нужно работать с семьей. И вот этот профессиональный навык убивать, формирует деформацию очень серьезную человека. Ой, очень серьезную. Отсюда у них дезадаптация, нон-конформизм, жесткость может быть и эгоцентризм. На первом занятии они мне сказали, что только война все решит, мы пойдем только силой.

Самая главная задача была – научить человека быть в состоянии равновесия: хладнокровию, выдержке, самообладанию в самых сложных ситуациях.

Даже при задержании преступника – чтобы наши сотрудники не ломали им ребра, не рвали селезенки и так далее. То есть, да, они – сильные люди. Если мы готовим их к боевым условиям, удар поставлен на боевика, если он развернется, увидит боковым зрением, что на него нападают и так далее. Но учим их перестраиваться в жизни к гражданским условиям, что здесь его уже окружают не боевики, обычные люди и с ними уже конечно же совершенно другой подход. То есть защита прав человека очень и очень важна. И вот такие духовно-психологические и нравственные устои, они нужны и необходимы сотрудникам всех силовых структур.

* * *

Реабилитация порой бывает необходима не только тем сотрудникам, которые участвовали в боевых действиях в горячих точках, но и всем, кто несет службу в учреждениях, отличающихся сложными условиями. Вот мнение председателя Комитета за гражданские права, правозащитника **Андрея Бабушкина**:

Понятно, что любая служба в системе ФСИН и полиции, она психотравмирующая, но одно дело, психотравмирующая ситуация, в которой оказывается участковый или сержант, а другое дело, когда в психотравмирующей ситуации оказываются люди, работающие на самом острие конфликта, которые ежедневно и ежечасно рискуют своей жизнью,

соприкасаются с самым дном, самой изнанкой нашего общества. Мне представляется, что наверное было бы хорошо, если бы эту программу удалось расширить.

У людей часто отсутствует понимание, чем им может помочь психолог. Есть случаи формального обращения сотрудников к психологу, которые не приводили к реабилитации, а заканчивались увольнением сотрудника. Достаточно ли эффективна система психологического сопровождения сотрудников наших силовых ведомств? Продолжает **Андрей Бабушкин**:

Еще одно предложение. Оно касается того, что может быть проанализировать собственные документы ФСИНа и МВД, как там проблемы реабилитации людей, попавших в психотравмирующие ситуации, прописаны. Там они прописаны очень плохо. Мы видим, что есть, конечно, определенные улучшения, усилилась роль психолога-психиатра при приеме на службу. Но, тем не менее, вот такого механизма отслеживания состояния психологического благополучия, психического здоровья человека его до сих, как я понимаю, в системе ФСИНА и полиции не сложилось.

Сейчас даже в крупном отделе полиции должность психолога не обязательна - начальник волен сам выбирать, какого рода специалиста взять на имеющуюся ставку. Существует также проблема с двойной лояльностью психолога – он должен подчиняться своему командиру, и, одновременно, действовать в интересах пациента. Возможно, стоит ввести ставки двух психологов, перед которыми будут стоять разные задачи. Хочется надеяться, что, в конце концов, в силовых структурах будет организована полноценная психологическая служба, которая будет эффективно предотвращать профессиональное выгорание сотрудников, а участие в спецоперациях не будут поручать тем, кто обычно работает с гражданским населением. Тогда, вероятно, улицы наших городов полиция перестанет рассматривать как линию фронта, а в тюрьмах станет больше компетентных сотрудников по работе с людьми, и меньше насилия.

Вы слушали программу Облака.

Всем привет.